

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

САКИ ПАМИРА

Археологические памятники Памира еще очень слабо изучены. Наиболее полные сводки данных письменных источников принадлежат русским ученым — И. Минаеву¹ и Н. Аристову². Археологические обследования Памира О. Олуфсена³ и А. Стайна⁴ познакомили пауку с отдельными крепостями Западного Памира, преимущественно по Вахану (Ка'ахка, Замр-аташ-и-параст и др.). На Восточном Памире и даже в Алае А. Стайн не усмотрел памятников древности и поспешил сделать заключение о необитаемости этой территории в далеком прошлом. Крайне противоположной точки зрения придерживался Э. Герцфельд, который на карте к одной из своих работ отнес «страну Давань», т. е. древнюю Фергану, с ее субтропическим климатом и флорой, чуть ли не в район горного узла Гармо⁵.

Археологические обследования Памира мы начали в 1946 г. и с перерывами продолжали до 1952 г.⁶

В результате скромных по масштабу работ удалось выявить некоторый археологический материал, позволяющий дать характеристику древнейших обитателей Восточного Памира. В настоящей статье мы касаемся одной группы памятников — сакской⁷.

Восточный Памир представляет собой высокогорную пустыню с моренным ландшафтом. Относительно ровные долины окаймлены многочисленными хребтами и прорезаны многоводными реками. По берегам этих рек низкорослая, но обильная и весьма питательная растительность, являющаяся превосходным кормом для скота. В пустынных местах растет терескен, служащий отличным топливом. Леса на Восточном Памире

¹ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.

² Н. Аристов, Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям, «Русский антропологический журнал», 1900, вып. 3; 1901, вып. 2, 3-4; 1902, вып. 1, 2, 3; 1903, вып. 1; 1904, вып. 1, 2, 3-4.

³ O. Olufsen, Through the Unknown Pamirs, The second Danish Pamir Expedition, 1898—99, L., 1904; ср. о н же, The Empire of Bokhara and his Country, Copenhagen, 1911.

⁴ A. Stein, Innermost Asia, Oxf., 1928, т. II, гл. XXV; т. III, тб. 45—49; о н же, Serindia, Oxf., 1921, т. I, разделы I и II; ср. о н же, An ancient Central Asian Track, L., 1933; о н же Ancient Khotan, L., 1907, т. I.

⁵ E. Herzfeld, Sakastan, AMJ, т. IV, вып. 1-2, В., 1931, стр. 21 сл.

⁶ См. наши предварительные информации: ВЛУ, 1947, № 12; 1948, № 11; КСИИМК, XXVII, XXVIII; ВДИ, 1949, № 3; «Эпиграфика Востока», вып. III и др.

⁷ О памятниках более позднего времени см. А. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая, МИА, 26, особенно III часть. Сакские памятники Памира VI—IV вв. до н. э. — древнейшие их тех, которые пока здесь открыты.

сейчас почти нет, хотя, как предполагают исследователи, граница леса (арча, облепиха) в древности была несравненно выше, чем сейчас, и доходила до высоты 3600—4000 м над уровнем моря.

Маршрутами 1946—1948 и 1952 гг. нам удалось охватить все основные урочища Восточного Памира. Общий вывод, который был сделан на основании уже первого ознакомления с местностью, подтвержденный впоследствии, заключался в том, что северная часть Восточного Памира, от перевала Кызарт до истоков р. Акбайтала, была в древности необитаема. Трудно полагать, чтобы этот район в меридиональном направлении мог быть использован как постоянная трасса торговых путей и перекочевок со стадами.

«Центр» жизни Восточного Памира был южнее, и его северной границей была р. Пшарт (правый приток Акбайтала). Но и здесь долина Пшарта, берега Аксу-Мургаба были сравнительно слабо обжиты, о чем говорят только единичные курганы.

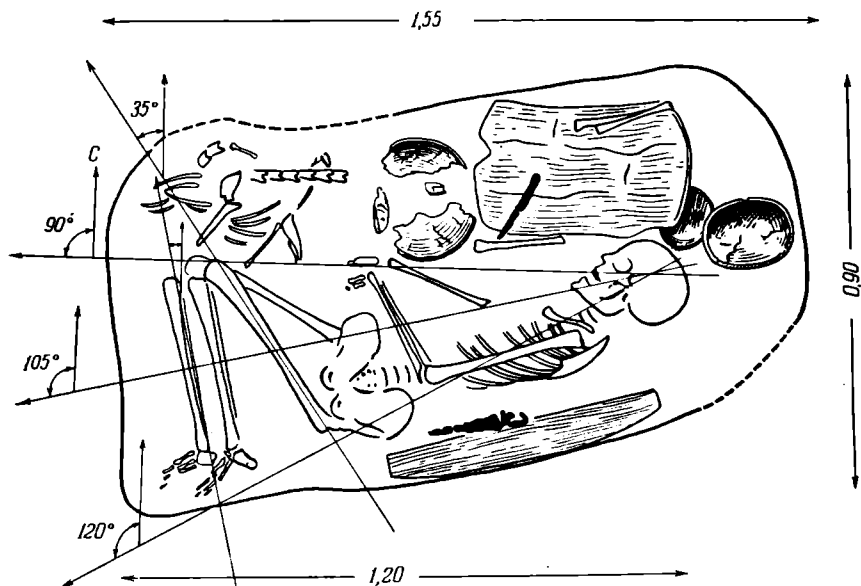

Рис. 1. Тип Тамдынского погребения

В этих районах преобладали сезонные кочевки пастухов-скотоводов. Резко меняется картина в еще более южных районах, северная граница которых проходит примерно в районе урочища Тохтамыш, при впадении р. Истыка в р. Аксу. Здесь увеличивается количество курганов, которые в южной части Восточного Памира составляют группы в несколько десятков курганов в каждой. Таковы могильник Тамды на правом берегу р. Памира, целиком нами раскопанный (18 курганов), или, особенно, могильник Акбейт на правом берегу р. Аксу в урочище Кызыл-Рават, где удалось зарегистрировать свыше 60 курганов и девять из них раскопать. Отдельные курганы интересующего нас времени были раскопаны и в других местах — в Тугурак-Бамане (Аксу), Пшарте, Харгуше (р. Памир).

Как правило, курганы — неограбленные, и поэтому они дали весьма важный материал для предварительной постановки некоторых проблем древней истории Восточного Памира. Наземные сооружения могил интересующего нас времени сделаны из камня, среди них различается несколько типов. Это 1) сплошные каменные насыпи с диаметром кургана от 3—4 до 10 м, при высоте от 0,1 до 0,8 м, в которых часто прослеживаются внешний и внутренний кромлехи; 2) круглые или овальные кольца, обычно с диаметром до 3 м; 3) прямоугольные выкладки размером 2 × 5 м, иногда с менгирами, и

наконец, 4) относимые нами к этому времени дольменообразные сооружения с диаметром до 1 м при высоте до 0,8 м. В первых трех типах были обнаружены труположения, в четвертом типе были вскрыты только следы кострища.

Несмотря на значительное сходство насыпей первого и второго типов погребений в разных местах Памира, могильники Тамды и Харгуш значительно отличаются по

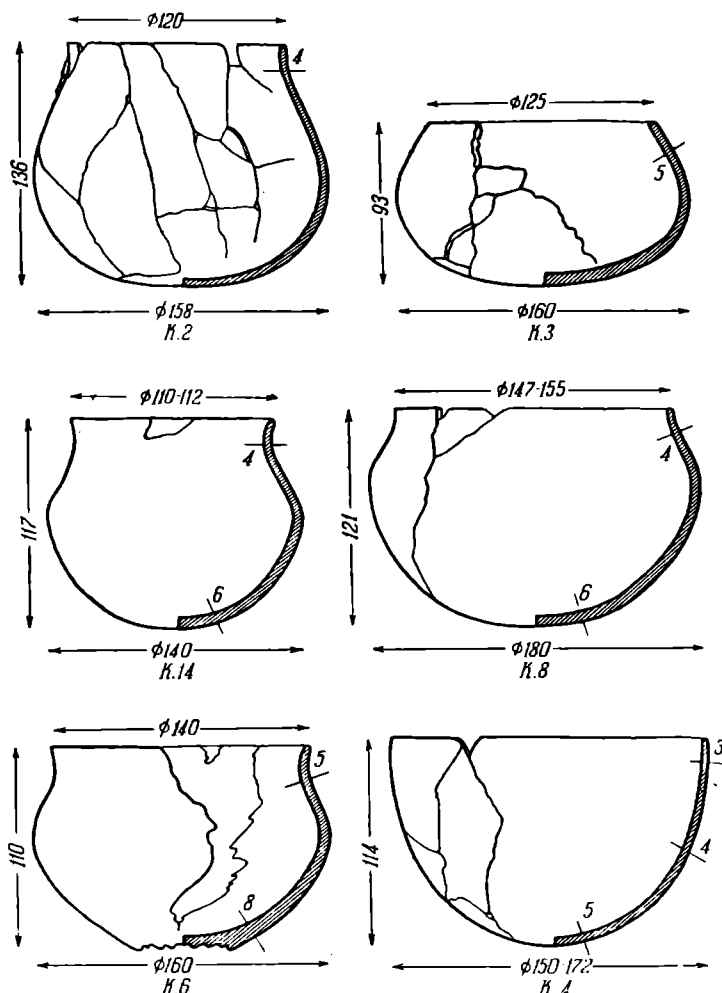

Рис. 2. Керамика из могильника Тамды

погребальному ритуалу и комплексам инвентаря от могильника Акбейт. Кроме того, в Тамды и Харгуше, да и в других местах, мы не встречали третьего типа захоронений (прямоугольные выкладки), который представлен только в Акбейте.

Приведем суммарные характеристики погребений по Тамды и Акбейту.

В Тамдынской группе под каменными насыпями и кольцами оказались труположения покойников в скорченном положении, головой на восток или запад, но лицом, как правило, к реке (р. Памир; рис. 1). Под насыпями оказались мужские, под кольцами—женские и детские погребения. Могильная яма—прямоугольная, неглубокая (до 1, чаще до 0,8 м), выбита в гравийно-галечном грунте и перекрыта поперек тонкими плашками из арчи. При женских костях бедный и однообразный инвентарь: глиняная посуда в виде котелков с полусферическим дном, следами затирки—лощения темно-коричневого цвета, без орнамента, иногда со слегка отогнутой и утончающейся закраи-

ной (рис. 2), бусы из сверлевого алмазом сердолика (очевидно, индийского происхождения), пасты, стеатита, оникса, ляпис-лазури, бронзы и т. д., преимущественно цилиндрических форм, и железные витые браслеты на руках.

Значительно разнообразнее инвентарь в мужских погребениях. Здесь были обнаружены следующие предметы вооружения: колчан со стрелами с разнообразными

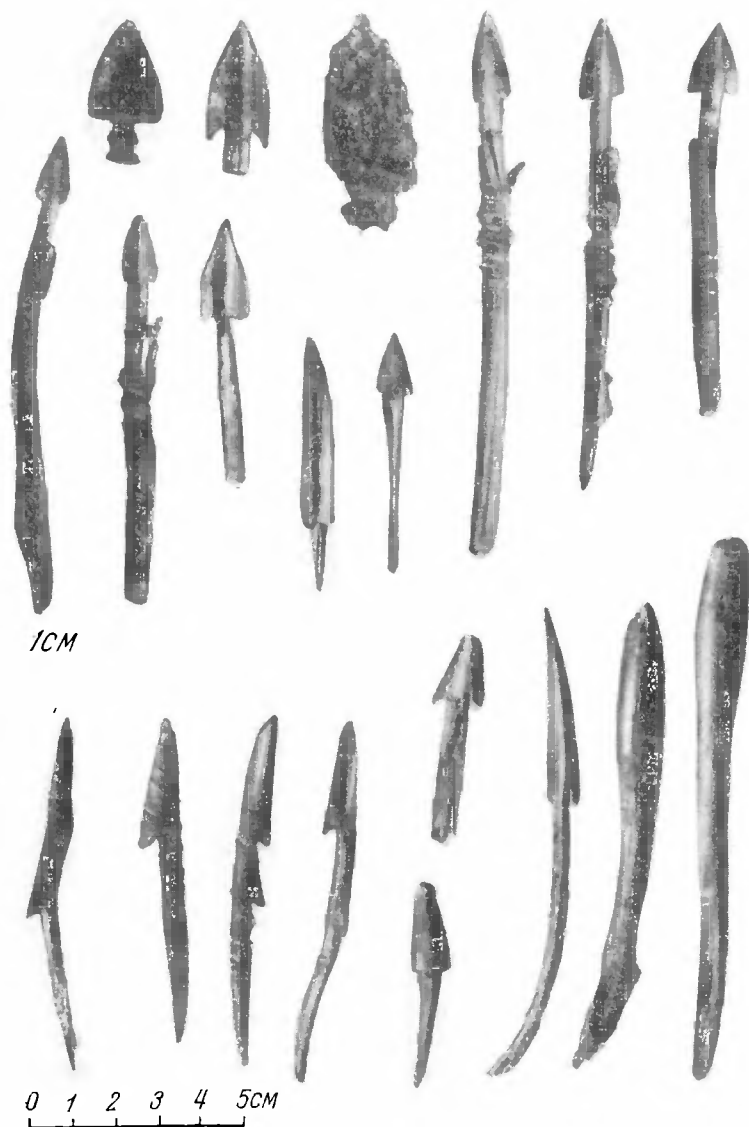

Рис. 3. Типы наконечников стрел из могильника Тамды
из одного колчана

наконечниками — деревянными (из гималайского кедра), бронзовыми, костяными и железными (рис. 3). Разнообразны акинаки и ножи, причем акинаки найдены только железные, а ножи — бронзовый и железные (рис. 4). Многочисленны бронзовые украшения, различных геометрических очертаний (рис. 5). Из других предметов отметим полусферическую бронзовую чашу, деревянную посуду, обрывки шерстяной ткани, изделия

в виде лукошка из лыка. В одной могиле около покойника были обнаружены 72 альчика¹.

В расовом отношении вся группа однообразна и относится к передневосточному, средиземноморскому типу².

Весь комплекс находок в могильнике Тамды позволяет отнести открытые памятники к V—IV вв. до н. э. Могильник Харгуш мы относим к более позднему времени — III—II вв. до н. э.³

Вероятно близким по времени, но своеобразным по погребальному ритуалу и инвентарю является комплекс Акбент на надпойменной террасе правого берега р. Аксу. В неглубокой, обширной, скорей подквадратной, яме одиночные или парные

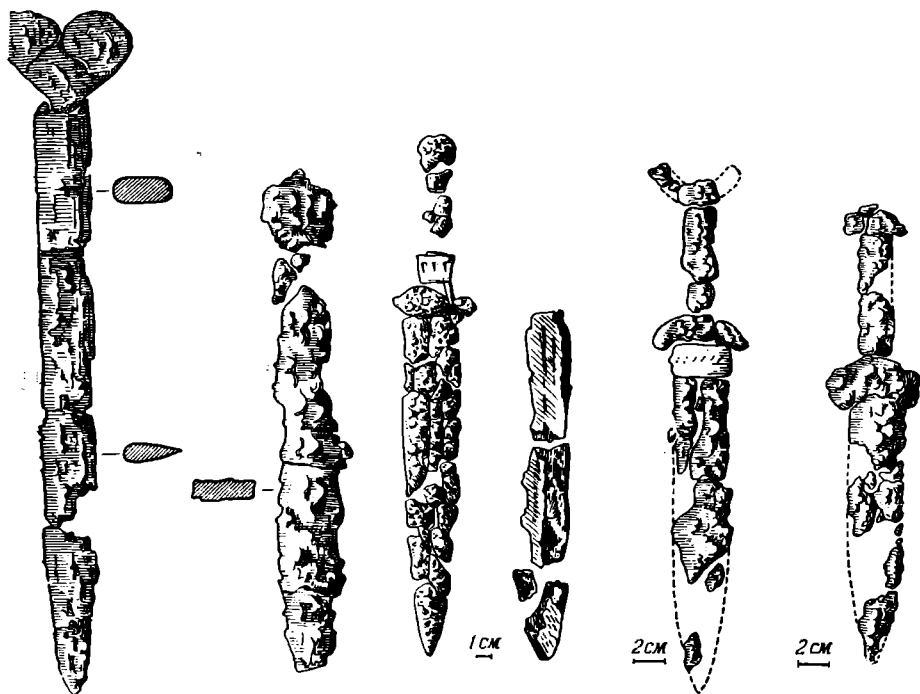

Рис. 4. Акинэки и ножи из могильника Тамды. Железо

захоронения (в Тамды только одиночные), и не только в скорченном, но и в сидячем положении. Некоторые погребения перекрыты тонкими плашками из арчи, в других случаях боевым щитом (рис. 6). Чрезвычайно характерно, что поверх перекрытия часто клалось оружие: клевец, меч, нож, острием направленный от покойника (рис 7). Покойники лежат на левом или правом боку, головой на восток, лицом на север или юг, но не на реку. Перед лицом покойника, как правило, стояли бронзовая плоскодонная чаша (часть из них с омфалом)(рис. 7; внизу справа) и деревянная чаша-тарелка

¹ Коллекции хранятся в Государственном Эрмитаже. См. путеводитель по выставке «Культура и искусство народов Средней Азии VI в. до н. э. — середины XIX в.», М, 1952, стр. 6—8.

² Все антропологические определения принадлежат В. В. Гинзбургу, который систематически обрабатывает наши сборы антропологического материала; см. его статью в КСИЭ, вып. XI, стр. 83 сл.

³ Развернутую аргументацию датировок и описания найденных коллекций см. МНА, 26, ч. III, стр. 275 сл.

с остатками пищи (кости барана). Чашу покойник как бы поддерживал руками. (рис. 6). Обильны находки украшений из бронзы и вооружения из железа (рис. 7 и 8).

Вооружение представлено железным оружием в виде клевца-топора с железной рукоятью, тяжелыми палашами, ножами, акинаками длиной в 35 (см. рис. 9). Наконечников стрел в Акбейте не было найдено ни одного.

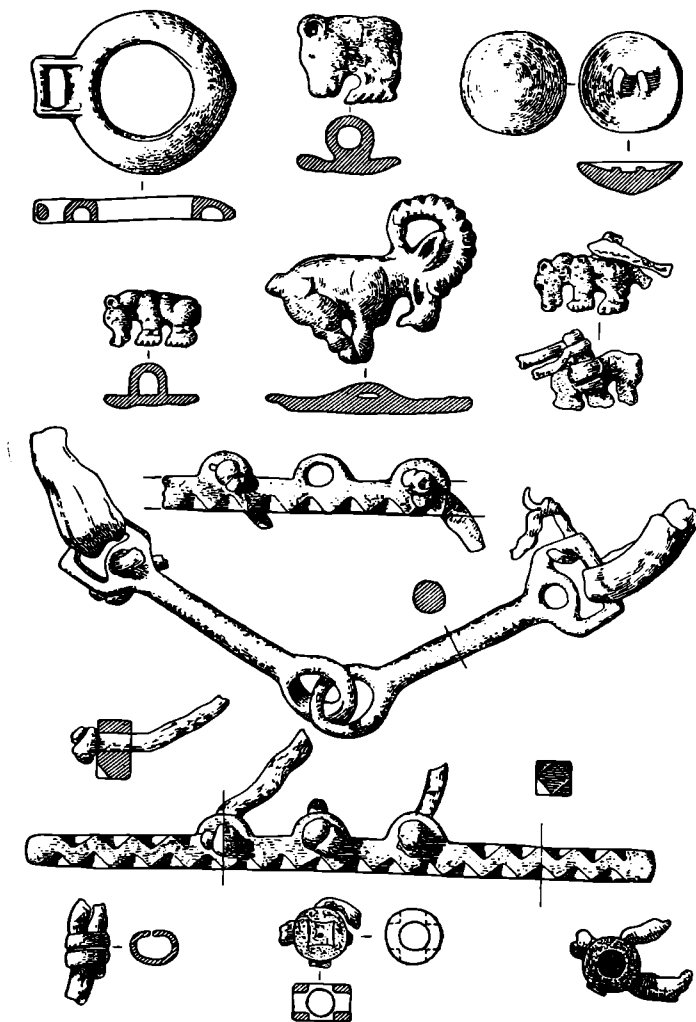

Рис. 5. Удила, украшения и другие изделия из бронзы из могильника Тамды

Весьма любопытна находка щита в одном из погребений. Он представлял собой прямоугольную раму, размером $1,40 \times 0,5$ м, из арчевых плашек с шестью поперечными. Срединные две были сближены для крепления рукоятки. Остальное пространство было заполнено плетением из прутьев облепихи. Щит был обтянут кожей (рис. 6).

Многочисленны предметы украшений из бронзы на одежде. Одежда была шерстяная, кожаная и войлочная. Кожа и шерсть окрашивались в красный цвет. Для крепления ремней употреблялись бронзовые бляхи-кнопки и сворки. На поясе подвешивались шитые сухожилиями кожаные мешочки с шерстяной отделкой, украшенные бронзовыми подделками в виде схематически выполненных ажурных украшений, состоящих из колец, и изображения головки птицы.

В области пояса были обнаружены подвески, тоже ажурные с головками драконов и птиц. Одна пряжка представляла собой изображение лягушки, другая бегущего оленя, голова которого далеко запрокинута назад (рис. 8).

Особый интерес представляет рукоять одного акинака. Рукоять бронзовая, литая, состоит из трех частей. Перекрестие из двух полулуниц, подобно перекрестиям аки-

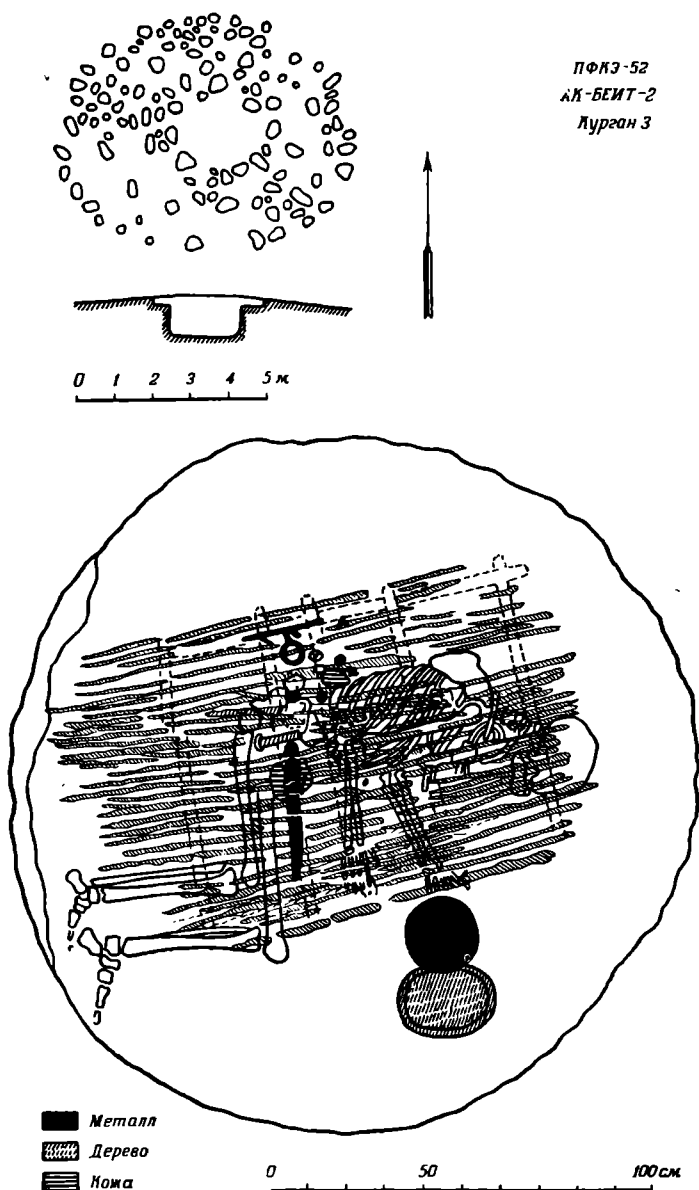

Рис. 6. Тип захоронения в могильнике Акбейт

наков из Мельгуновского клада или Чертомлыка. Рукоять украшена двумя рядами голов горного козла, расположенных по три в ряду, симметрично по обеим сторонам рукояти, и разделенных двумя параллельными рядами зерни. Морды козлов трактуются крупными штрихами, глаза даны в виде глубокой круглой впадины, рога ребристые. Венчает рукоять изображение бегущего козла с запрокинутыми назад рогами. Эти три части довольно грубо собраны, особенно отчетливо это видно в нижней части,

где морды козлов наполовину прикрыты перекрестием, сделанным весьма примитивно (рис. 9).

Находки в Акбенте своеобразны, многим вещам трудно найти прямые аналогии, особенно ажурным подвескам. Композиционно они напоминают «эксцентричные» украшения, подобные украшениям в позднелуристанской бронзе, стилистически от

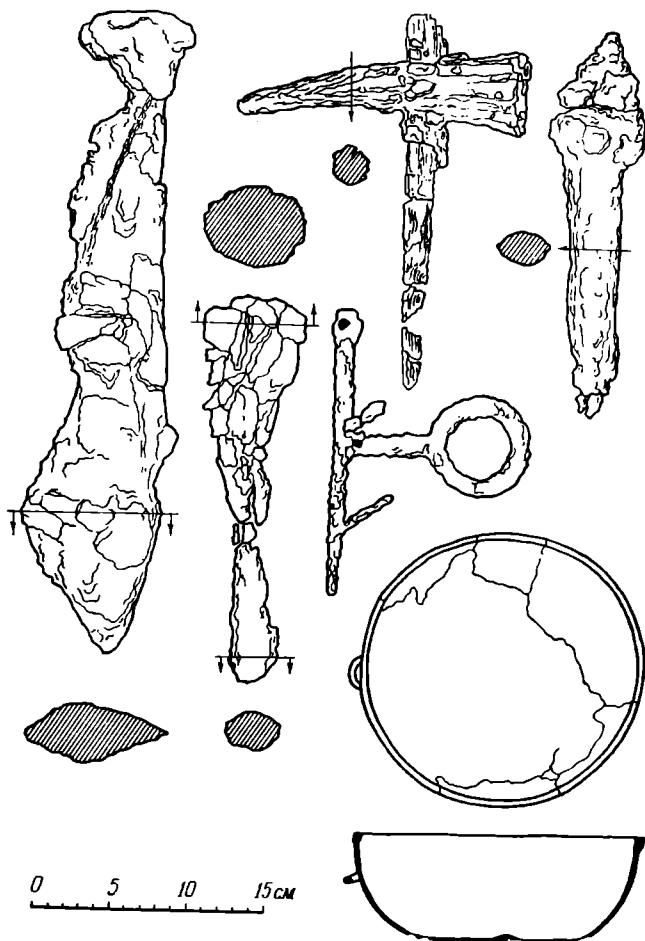

Рис. 7. Вооружение и другие находки из могильника Акбент. Оружие из железа. Чаши — бронза

них отличаются. Относительно больше аналогий в ордосской бронзе. Некоторые аналогии ажурным подвескам и особенно мордам козлов можно найти в публикациях находок из Ордоса. Китайскому влиянию, быть может, обязано появление среди украшений изображения лягушки.

В целом, однако, комплекс из Акбента весьма своеобразен и восходит к какому-то центру, лежащему за пределами и Переднего Востока и Ордоса. Вместе с тем трудно полагать, что племена, оставившие нам эти вещи, извечно обитали на Памире и здесь только сложилась эта культура. Мы полагаем, что основные районы этих племен лежали за пределами Памира, в областях, тяготеющих к Тянь-Шаню и отрогам хребтов, окаймляющих с севера, запада и юга Восточный Туркестан. К сожалению, это только предположение, так как в Восточном Туркестане памятники древних кочевников совершенно не изучены.

Однако именно в этих районах обитали племена, сакские по своему происхождению и тесно связанные с тибетскими. Это указывает на возможность вести поиски их куль-

турного центра на юго-востоке от Памира. Но сначала остановимся на датировке акбеитского комплекса в сопоставлении его с другим памирским могильником — Тамды.

Могильник Тамды (1949 г.) представил, как мы указали, весьма однообразную систему кладки насыпей и закономерную систему ориентировки. При анализе находок в могильнике Тамды основные аналогии и даже идентичные параллели в подавляющем большинстве показали тесные связи «тамдинцев» с культурой тяньшанских и южносибирских племен.

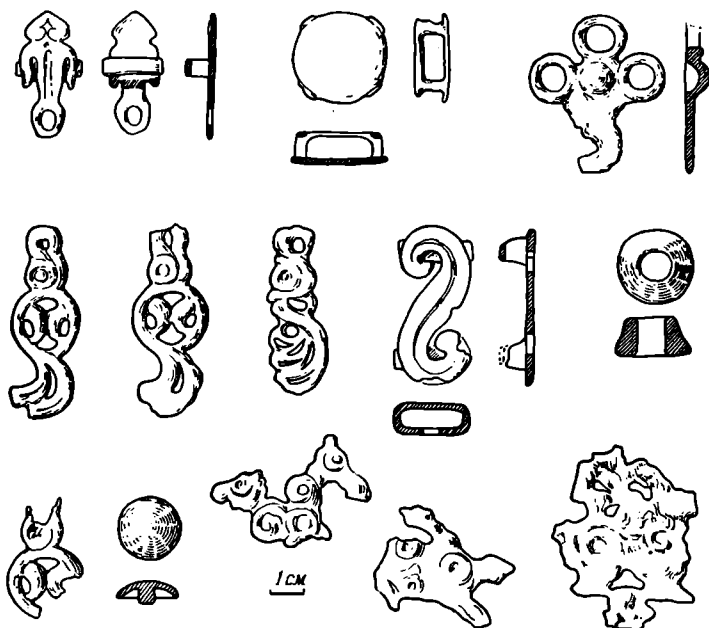

Рис. 8. Бронзовые украшения из могильника Акбеит

Иную картину дает могильник Акбеит.

В основном работами 1952 г. удалось установить, что собственно сакские могилы как правило, перекрыты на поверхности кромлехной выкладкой. В тех случаях, когда кромлех забит камнем и насыпь выступает как сплошной каменный панцирь, следует ожидать впускное погребение, обычно тюркского времени. Сходна ориентировка в обоих могильниках, и, пожалуй, только в этом их сходство, во всем остальном очень много различий. Даже в ориентировке при общем положении головой на восток — в Тамды покойники обращены на юг, к реке, тогда как в Акбеите поворот на юг не значит смотреть на реку.

Своеобразно трупоположение в могильнике Акбеит в сидячем положении в отличие от Тамды, где в основном покойники лежат в «утробном» положении.

В Акбеите почти нет бус. Преобладают различные типы орудий из железа. Характерно наличие деревянных и бронзовых чаш у лица захороненного и малое количество керамики по сравнению с Тамды. Самым главным отличием являются стилистические и тематические особенности украшений.

Акбеитские украшения очень своеобразны. Им нет прямых аналогий на Тянь-Шане или в Южной Сибири. Наибольшее количество возможных аналогий, как мы указали, влекут прежде всего либо в Ордос, в крайнем случае в ордосо-забайкальский круг древностей, либо в Луристан. В последнем случае мы имеем в виду подвески из кургана № 4, на которых около центрального кольца располагаются изображения птиц (?) и головы дракона (см. рис. 8). Впрочем луристанская бронза более эксцентрична. Этот же тип подвесок известен из Ордоса, в памятниках которого можно найти прежде

всего аналогии в трактовке морд козлов, а особенно их рогов, изображенных на рукояти акинака из кургана № 3 (см. рис. 9). Подвески из кургана № 4 в условиях «скифского» искусства Причерноморья рассматриваются как начало «сарматизации», или, по выражению Минза, «дегенерации» скифского искусства¹. Однако этой «де-

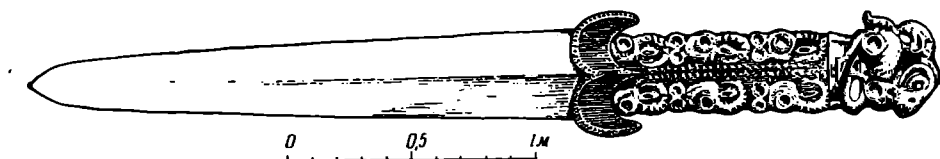

Рис. 9. Акинак из могильника Акбеит. Рукоять—бронза, клинок—железо.
Общая длина 35 см.

генерации» явно противоречит изображение козла в навершии акинака из кургана № 3, выполненного в традициях расцвета звериных изображений сакского времени.

Вообще акинак из третьего кургана в Акбеите—весьма противоречивое явление. В целом мотивы этой рукояти, ее общая композиция весьма сближают нашу находку с такими архаическими аналогиями, как акинаки Келермеса и Литой могилы VI в. до н. э. В качестве близкой аналогии можно указать на акинак из Острой могилы около Днепропетровска, того же времени. В конечном счете общие мотивы могут быть обнаружены и при сравнении с акинаком из Чертомлыцкого кургана, датируемым IV веком до н. э. Конструкция рукояти и размещение украшений, перекрестие в виде лунниц колеблется от VI до IV в. до н. э.

Одной из особенностей стилистических приемов отделки украшений Акбеита является «кольчатый» орнамент и волюты. Почему-то повелось первый прием считать приметой относительно поздней датировки. Думаю, что это неправильно. Достаточно вспомнить трактовку лап пантеры из золота в комплексе находок из Келермеса. Эти же элементы могут быть отмечены и в других памятниках.

Аналогии отдельных сюжетов на памятниках, обнаруженных в Акбеите, восходят к более позднему времени, чем VI в. до н. э., и скорей оправдывают IV в., особенно учитывая широкое употребление железа. Однако и здесь некоторые аналогии восходят к древним образцам: так, например, клевец-топор из кургана № 3 идентичен находке в комплексе Мельгуновского кладя.

Нет среди кинжалов и акинаков Акбеита типичных скифо-сарматских наверший в виде полулуния или «антеновидных» по терминологии Гинтерса².

Подвески из четвертого кургана весьма характерны. Здесь явно проявляется вырождение реалистичности изображений, появляется ажурность в украшениях. Все это опять приближает нас к истокам «сарматского» направления в искусстве, т. е. опять сближает скорей с датой IV, а не VI в. до н. э.

Материала с Памира слишком еще мало для окончательных суждений, совершенно отсутствуют аналогии из ближайших сопредельных территорий, чтобы стать на почву строгих и категорических выводов. Поэтому мы и выдвигаем весьма широкую датировку — VI—IV вв. до н. э., надеясь со временем ее уточнить.

Привлекаемые нами аналогии для находок из Акбеита весьма широкого охвата: Ордос и Луристан. В этих аналогиях нет полных совпадений, за исключением деталей, а не целых комплексов. Все это, с учетом расового типа погребенных (средиземноморский, длинноголовый, как в Тамды), указывает, что очаг этой культуры, в отличие от могильника Тамды, лежал не в Южной Сибири или Средней Азии, а в других местах. Я полагаю, что центр акбеитских саков лежал на юго-востоке, т. е. в районе предгорий Восточного Туркестана и Тибета, вплоть до Северного Китая, т. е. Ордоса.

¹ E. M i n n s, The Art of the Northern Nomads, L., 1942, стр. 31.

² W. G i n t e r s, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, B., 1928.

Могильник Акбеит многим отличается от остальных памирских. Среди этих отличий отмечу положение покойника, голова которого всегда выше ног, покрытие покойника щитом, положение оружия сверх покрытия острием от покойного.

Юго-восточные и западные явления в культуре и расовом типе погребенных в Акбеите говорят о том, что памятники на этом участке Памира оставлены племенами другого, чем тамдынцы, происхождения.

*

Наступит время, когда археологи произведут раскопки на Памире в таком объеме, что можно будет во всеоружии пересмотреть концепцию талантливое русского ученого Н. Аристово об этнических отношениях на Памире. Но и сейчас выявленные материалы дают возможность предложить вниманию научной общественности сведения, характеризующие разные хронологически и отличные в этническом отношении группы племен, которые в древности заселяли Памир.

Древнейшими памятниками Памира являются могильники Тамды и Акбеит. Первый мы датировали V—IV веками, второй VI—IV веками. Но дело не в малом различии дат. Дело в том, как мы указали выше, что эти два могильника ясно отражают две этнические волны, шедшие на Памир, в первом случае с северо-востока (Тамды), во втором — с юго-востока (Акбеит). И в том и другом случае нельзя отрицать передневносточных влияний, о чем говорит ярко выраженный средиземноморский расовый тип, явно пришедший с запада. Если учесть сердоликовые бусы, сверленные алмазом (Тамды), бронзовые чаши с омфалом, имеющие полные аналогии в Ашуре, то не останется сомнения в том, что юго-западные тенденции, т. е. то, что мы называем передневносточными влияниями, также (в качестве третьего компонента) имели место на Памире. Так намечаются уже три пути в сложении этнического облика Памира.

Об этом говорит и инвентарь и отчасти намогильные сооружения, среди которых выделяются северо-восточные влияния (семиреченско-тияньшанский кромлех со всеми вариантами) и юго-восточные (прямоугольные с вариантами выкладки), явно идущие с Памира.

Античные авторы, плохо знавшие этот район и останавливающие свои информации на склонах горного хребта Имаус (Заалайский хребет), не знали подлинного Памира. Не знали его и ахемениды, однако, очевидно, правильно передав имя его обитателей, крайних восточных саков, именем сака-хаомоварга. Думаю, прав А. Германн¹, который считал, что в этом имени скрыто название «мург» — «птица», отмечающее недоступность восточных саков, как птиц гнездящихся в горах. Очевидно, как вслед за Г. Григорьевым предполагали исследователи, термин «мург», особенно в топонимике — «мургаб», в какой-то мере отражает районы продвижения саков-амюргиев.

Проникновение саков с Тянь-Шаня на Памир при возвышении племен усуней — факт широко известный. Напоминаю китайский текст: «Первоначально сия страна (т. е. страна усунь.— *А. Б.*) принадлежала народу сэ (саков.— *А. Б.*). Большой Юечжи на западе разбил и выгнал сэского владетеля (Сай-ван.— *А. Б.*). Сэский владетель перешел на юг за Висячий переход; Большой Юечжи удалился на запад и покорил Дахи (Бактрию.— *А. Б.*); усуньский Гуньмо остался на его землях (т. е. саков.— *А. Б.*); посему-то между усуньцами находятся отрасли (чжун.— *А. Б.*) племен сэского и юечжского»².

Этот текст весьма важен. Он свидетельствует о совместном расселении саков (сэ) и массагетов (даюечжи) на Тянь-Шане и преемственности усуней от саков.

В одной из своих работ мы пытались показать, что на Тянь-Шане сохранились следы сакских и массагетских племен³. Там же мы указывали на продвижение сакских

¹ А. Германн, *Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike*, Lpz, 1939.

² Н. Я. Бичурин. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, М., 1950; ч. III, стр. 190 сл.

³ МИА, 26.

племен на юго-запад в Алай и, очевидно, через Сарыкол на Памир (Тамды). «Висячий переход» мы отождествляли с Лянгарским спуском (=перевалом?). Теперь мы ставим другой вопрос: чем объяснить своеобразие могильника Акбсит, столь отличного от Тамды, и можно ли видеть здесь следы юго-восточных влияний? Есть ли для этого основания в письменных источниках?

В Цяньханьшу сказано, что племена сийе (или юльэрек), жившие в районе восточного Притибетья, недалеко от Хотана, не принадлежат к племенам ху, «но ближе подходят к кянам (тибетцы) и ди (протоуйгуры) и составляют кочевое владение. Переходят со скотом с места на место, смотря по приволью в воде и траве»¹. С ними смежно владение пули, или сэрлык, т. е. племена, находившиеся в соседстве с Яркентом, откуда они получали хлеб. Можно полагать, что соседи пули, племена сийе, находились даже к северу от Хотана. Следующие к северу племена инай (или ингасар) — уже соседи оазисов Кашгара и Яркента, т. е. расположены у восточных границ Памира, однако этнографически сходны с племенами цзыхэ, очевидно тибетского круга племен.

Еще более повышается интерес к следующим племенам — улэй (или арачул). Их владение «на юге смежно с Уто (Гиндукуш? — А. Б.), на севере с гуаньду (кумедами Алая! — А. Б.), на западе с Большим Юечжи (т. е. в области Дася — Бактрии! — А. Б.). Одевание походит на усуньское (т. е. племен Тянь-Шаня — А. Б.), а обыкновения сходны с юльэрскими (т. е. притибетских племен. — А. Б.)»².

Справедливо Н. Аристов считал, что арачул можно сравнить с топонимом долины и реки Аличур Памира, а вышеприведенные данные о локализации племен (на юге — Гиндукуш, на западе — Бактрия, на севере — Алай) также позволяют племена арачул-улэй помещать на Памире.

Повидимому, памирские племена улэй (арачул) входили в конфедерацию тибетских племен цзыхэ. Напомню, как говорит источник, что племена пули, инай, улэй одного племени с сийесами, а инай «смежно» и одинаково в обычаях с цзыхэ³. Отсюда можно заключить, что памирские племена улэй тибетского происхождения. И здесь исследователь переходит в район племен другого этнического происхождения. Во-первых, об этом ясно говорит сообщение о Кашмире (Гибинь). Здесь прямо говорится: «Когда хунны разбили Большого Юечжи (во II в. до н. э. — А. Б.), то Большой Юечжи занял на западе государство Дахя (Бактрию. — А. Б.), а саский владетель занял на юге государство Гибинь (Кашмир. — А. Б.). Саские племена рассеянно живут, и более под зависимостью других (со II в. до н. э. — А. Б.). От Кашгара на северо-западе Хюсюнь [Хюсюнь] (Восточная Фергана. — А. Б.) и Гуаньду (кумеды Алая. — А. Б.) — суть потомки древних сасцев»⁴.

Мы видели выше, что в районе Кашгара, который связан с Памиром через Ташкурган, был стык племен тибетского происхождения (племена инай) и сакского (хюсюнь и гуаньду). Вот здесь и скрещивались племена различного этнического происхождения, со времени саков заселявших Восточный Памир единой конфедерацией.

Притибетское происхождение племен сийе, пули, инай, улэй прямо указано письменными источниками. Для западных авторов они были, очевидно, составной частью саков хаомоварга.

Население Кашмира также сакского происхождения, т. е. тяньшанского и восточнотуркестанского. Эти племена не могли попасть с Тянь-Шаня в Кашмир, минуя восточные предгорья Припамирья. Но кроме них, в тесной связи с притибетскими племенами находились еще племена хюсюнь и гуаньду, т. е. фергано-алайские племена. Что же о них говорят источники? О хюсюнь сказано, что «обыкновения и одеяния сходны с усуньскими, хюсюньцы перекочевывают со своим скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Они составляют отрасль древних сасцев» (саков)⁵.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 178.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 178.

³ Там же.

⁴ Н. Я. Бичурин, ук. соч., III, стр. 179.

⁵ Там же, стр. 188.

Аналогично описание племен гуаньду. Они на севере смежны с усунями. «Одеяния жителей походят на усуньские. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде; держатся около Луковых гор (Памира.— А. Б.). Составляют отрасль сэсцев»¹.

Несколько раньше сказано, что хюсюнь находятся к западу от Цунлина (т. е. к северо-западу.— А. Б.), но, очевидно, недалеко, так как одновременно они близки и к району Кашгара. Следовательно, эти два племени, хюсюнь и гуаньду, в отличие от саков Кашмира, были расселены к северу от Памира. Сакские племена Тянь-Шаня (из области Усунь) частично перемешались во время своей миграции в районе Прикашгарья с тибетскими племенами, а частично остались самобытными. Вот этот процесс и породил две ветви, две этнические группы ранних насельников Памира, что археологически выражено в могильниках Тамды и Акбеит: с одной стороны, саки Тянь-Шаня, которые донесли на Памир южносибирские и семиреченско-тяньшаньские мотивы в культуре, сохранившиеся среди племен усунь, хюсюнь и гуаньду (Тамды), и с другой стороны — племена саков, культура которых смешивалась с культурой тибетско-китайских племен, представленная прежде всего могильником Акбеит. Помимо этих двух этнически весьма сложных групп, на Памире были отмечены поздние памятники тюрко-карлукского периода (Акбеит, Восточный Пшарт — тюркского времени — V—VIII вв.) и Тамды (явно карлукского периода — VIII—X вв. н. э.).

В могильниках Харгущ и Тамды мы выделили памятники III—I вв. до н. э., связанные с потомками племен древних саков, вроде племен хюсюнь, гуаньду или племен уш из долины Юйту². В характере этих памятников прослеживается этнографическое сходство с культурой племен усунь и отчетливо выявляется генеалогическое родство с саками.

Помимо этих основных типов памятников, которые увязываются с данными письменных источников, следует отметить те виды археологических памятников, раскопки которых не дают твердой опоры ни для дат, ни для этнической атрибуции. Однако на данном этапе наших знаний всего вероятнее предположить, что пустые выкладки, долмены и прочие жертвенные места и кенотафы, имеющие абсолютно точные архитектурные аналогии в Тибете³, есть памятники именно тибетских племен, тем более, что расселение последних за пределами Тибета скорее всего локализуется на западе (по предгорьям) Восточного Туркестана и на Памире. Северней, т. е. на Тянь-Шане и в Алае, этому расселению мешал плотный массив племен саков.

Нам уже довелось отмечать своеобразие исторической топографии Восточного Памира. Несомненно, что наиболее обжитыми местами был юг Восточного Памира — долины рек Памира, Истыка, Аксу. Чем дальше к северу (уже от района Тохтамыш), тем более скуден инвентарь в могилах. Это были районы сезонного кочевания пастухов-скотоводов, и археолог здесь найдет бедные кладбища этих пастухов, притом рассеянные и немногочисленные.

Но и на юге ни могильник Тамды, ни более крупный (и самый крупный на Памире) Акбеит не убедит нас в том, что это памятники местной древней культуры. Это явно п р и ш е л ь ц ы, одни из тех, кто первым при помощи вьючного скота (лошадь, yak?) осмелился прийти в этот суровый и пустынный край.

Великолепные памятники искусства и культуры, характер сырья, центры добычи которого находились за пределами Памира (железо, глина, сердолик, гималайский кедр, северная граница которого — южные склоны Гиндукуша, бронза, морена), высокое совершенство изделий заставляет полагать, что наряду с семиреченско-тяньшаньским центром был еще более крупный — юго-восточный, царские кладбища которого следует искать от Кашгара до Хотана, с учетом областей Алтынтага, и от Лобнора до Ордоса.

¹ Н. Я. Б и ч у р и н, ук. соч., III, стр. 188 сл.

² Там же, стр. 190.

³ См. Р е р и х, Звериный стиль кочевников Тибета, Прага, 1930.

Этот вопрос не разрешают раскопки в Акбейте, но со всей определенностью его ставят.

И могильник Тамды и Акбейт говорят о том, что еще в пору VI—IV вв. до н. э., не говоря о III—I вв. до н. э., не утрачивались связи с Передним Востоком, во всяком случае в той его части, откуда расовый тип попал, с одной стороны, в Анау, с другой (позднее?) — на Памир.

В одной из своих последних работ об искусстве кочевников Северной Азии Минз писал, что южной границей общих элементов звериного стиля кочевников является линия, идущая от Ордоса через Тянь-Шань на запад.

Вспомнив Тянь-Шань, Минз ни слова не сказал о Памире. В вину ему это ставить нельзя. Это был 1942 г. Только с 1948 г. советские исследователи дали те объективные и неумолимые факты, которые ясно показали, что если Восточный Памир и не был очагом высокой былой культуры сакских племен, то во всяком случае был ее бережным хранителем. Могильники Тамды и Акбейт важны не только в этом плане, они важны и потому, что регистрируют реальные связи весьма удаленных областей и отмечают реальные передвижения в глубокой древности племен пастухов-скотоводов, для которых даже Памир не был преградой.

А. Н. Бернштам

СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВАВИЛОНСКИХ КЛИНОПИСНЫХ ТАБЛЕТОК

Клинописные таблечки в древнем Вавилоне играли ту же роль, какую сейчас выполняет бумага. Изготовление таблечек, несомненно, имело большое значение в хозяйственной и культурной жизни Вавилонии. Поэтому изучение вопроса о способах изготовления клинописных таблечек заслуживает такого же внимания исторической науки, как и изучение техники какой-либо другой отрасли ремесленного производства.

Кроме того, изучение способа изготовления таблечек имеет большое значение и для палеографического исследования клинописных текстов.

Для разрешения вопроса о способе изготовления обожженных клинописных таблечек автор настоящей статьи предпринял попытку на основании анализа формы и внешнего вида таблечек воспроизвести предположительный древний технологический процесс опытным путем, изготавливая таблечки, максимально схожие с подлинными по их внешнему виду.

В первую очередь следовало определять, какую исходную форму могла иметь таблечка и как ей придавалась та окончательная форма, в которой она дошла до нас как в обожженном, так и необожженном виде.

Все клинописные таблечки в основном имеют две формы: более ранние — квадратную с закругленными углами, более поздние — форму параллелограмма. Это объясняется тем, что первоначально знаки наносились на таблечку в вертикальном направлении, а читались в горизонтальном, для чего таблечку необходимо было поворачивать на 90°. Следовательно, таблечка должна была иметь такую форму, которая была бы удобна для держания ее в руке как при чтении, так и при нанесении на нее текста. Такой формой является круг или квадрат с закругленными краями, т. е. именно та форма, которую имеют таблечки более раннего периода. В дальнейшем знаки стали наносить и читать их в горизонтальном направлении, вследствие чего квадратная форма таблечки с закругленными краями оказалась уже неудобной и таблечкам стали придавать удлиненную форму параллелограмма. Такая таблечка до некоторой степени напоминает лист из блокнота, тем более, что при письме и чтении таблечку поворачивают, как лист блокнота.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ТЮРКИ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ОПИСАНИИ ХОЙ ЧАО (726)

В 1938 г. были опубликованы текст и перевод отрывка из сочинения китайского буддийского паломника Хой Чао, снабженные небольшими примечаниями¹.

Хой Чао родился в Корее в 700 г. Когда он начал свое путешествие, точно неизвестно, но в 727 г. он вернулся в Кучу. Насколько можно судить по тексту, основную часть своего путешествия он совершил в 726 г. По мнению Отани, он начал свое путешествие в 723 г., в 729 возвратился в Китай и в 780 умер, прожив, таким образом, 80 лет (Fuchs, ук. соч., 427).

Хой Чао был для своего времени образованным человеком. Он переводил вместе со своим учителем Важрабоди в монастыре Цзяньфусы около Чанани санскритские буддийские сочинения. Позднее он жил и работал в Цяньюаньпутисы в Утайшане, продолжая свои переводы и пропаганду буддийского учения.

В. Фукс отмечает восемь изданий и переводов разбираемого отрывка по рукописи, найденной П. Пелльо в Дуньхуане в экспедиции 1906—1908 гг.² Впервые сочинение Хой Чао было издано китайским ученым Лоченьюй (1909) и затем переиздано китайским ученым Цяньдаосунь (1931). Известны также японские издания— Фужита Тояхачи (1910, второе издание — 1911), в серии «Дай Нихон буккюо зеншо» (1915), Ханеда совместно с Пелльо (1926), в серии «Таишо-Трипитака» (1927, второе издание — 1931).

Несмотря на относительно большое количество изданий, полностью текст переведен был впервые в 1938 г. Извлечения из него в отношении Баамиана были сделаны П. Пелльо³, Сирии (Фулинь)—Шедером⁴, а ранее Хиртом⁵. Ширатори привел в своей работе о Согде сведения о стране *ху*, живших восточнее арабов⁶.

Кроме того, существуют переводы на японский язык (Хадани Риотей, Отани Шошин, Такакусу Юнжиро).

Чрезвычайно интересно время путешествия Хой Чао. После Сюан Цзана (629—648)⁷ Индию посещают И-Цзин (673—685)⁸, Хой Чао (726), У-Кун (751—790)⁹. Однако более или менее подробные сведения о Средней Азии дают только Сюан Цзан и Хой

¹ W. Fuchs, Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726, SPAW, XXX, 1938, стр. 426 сл.

² P. Pelliot, Bemerkung über Huei-ch'ao, BEFEO, VIII, 1908, стр. 511 и сл.

³ P. Pelliot, Les Antiquités Bouddhiques de Bamiyan, 1928.

⁴ Schâder, Iranica, AGWG, III, 10, 1934.

⁵ Hirth, JAOS, XXXIII, 1913.

⁶ «Memoirs of the Tōyō Bunko», № 2, 1928, стр. 81 сл.

⁷ S. Beal, Buddhist Records of the Western World, L. Cp. St.-Julien, JA, 1853 (отд. отт.).

⁸ Ed. Chavannes, Les Religieux Éminents qui allèrent chercher la Loi dans les pays d'Occident. Mémoire composé à l'époque de la Grande dynastie T'ang par I-Tsing. Voyages des Pèlerins Bouddhistes, Paris, 1894 (отд. отт.).

⁹ S. Levi, Ed. Chavannes, L'Itinéraire d'Ou-K'ong, JA, 1895, стр. 341—384.

Чао. И-Цзин вообще говорит только об Индии, и его замечания, касающиеся южных областей Средней Азии, единичны. В этом отношении он намного уступает своим предшественникам, Фа Сяню (400 г.; S. Beal, ук. соч.) или Сон Юну (518 г.)¹. В один ряд с Сюан Цзаном может быть поставлен лишь Вэй Цзе (605—616)² и главным образом Хой Чао, превосходящий по объему своих сообщений упомянутого У-Куна, также в основном дающего сведения о южных (в Средней Азии) областях.

Хой Чао проделал большой путь. В сохранившемся фрагменте перечислены 47 стран и народов, а именно: 1) Кусинагара, 2) Варанаси, 3) Магада, 4) Средняя Индия, 5) Южная Индия, 6) Западная Индия, 7) Северная Индия, 8) Яландара, 9) Суварнаготра, 10) Такка, 11) Синд-Гуржара, 12) Кашмир, 13) Большой Болор, 14) Яндун, 15) Непал, 16) Тибет, 17) Малый Болор, 18) Гандара, 19) Удияна, 20) Читрал, 21) Ламака, 22) Капса, 23) Забулистан, 24) Бамиян, 25) Тохаристан, 26) Персия, 27) арабы, 28) Малый Фулинь, 29) Большой Фулинь (Сирия); далее идут области, расположенные в Средней Азии: 30) Ань, 31) Цао, 32) Ши, 33) Шило, 34) Ми (Маймург), 35) Кан (Самарканд), 36) Фергана, 37) Хутталь, 38) тюрки (очевидно, в степях за Сыр-Дарьей), 39) Вахан, 40) Шугнан, 41) Цунлин (Восточный Памир), 42) Таш Курган, 43) Сулэ (Кашгар), 44) Гуйцы (Куча), 45) Юйтянь (Хотан), 46) Аньси (Турфан), 47) Яньци (Карашар).

Особенностью текста является в некоторых случаях оригинальная транскрипция собственных имен, отличная, например, от транскрипции, принятой Сюан Цзаном и от него перешедшей в летописи династий. Так, отлично написание названия главного города Тохаристана Балха — Футия, где отличен последний иероглиф, так же обстоит дело в названии Ферганы — Боханьна. Число примеров можно значительно увеличить, но все эти особенности — графические, а не фонетические.

Характеристики Хой Чао своеобразны, он часто отступает от трафаретов, хотя последние и оказали известное влияние на его текст. Типично, например, в описании тюрков употребление фразы «*суй чэсу шуй цао*» — «следуют (туда), где вода и трава», ведущей свое происхождение от Сымацяня, описывавшего таким образом кочевой образ жизни гуннов (Хой Чао, текст, 468; пер., 453).

Впервые Хой Чао упоминает тюрков при описании Тибета. Он говорит, что жители его состоят из *ху*. В. Фукс (ук. соч., 443, прим. 5) делает примечание: «т. е. происходят из Тохаристана и рядом расположенных стран», опираясь на примечание Шаванна к переводу И-Цзина.

Действительно, в описании пути И-Цзина говорится, что в районе Цунлина находилась страна Сули, затем Тохаристан, далее территория *ху* и, наконец, Тибет (Туфань; E. Chavannes, Les Rel. Êm..., 12—13). Однако Сули невозможно, вслед за Шаванном, хотя бы и предположительно, отождествлять с Суябом; это скорее Сулэ (Кашгар). И-Цзин в другом месте указывает, что Сули и Тохаристан составляют область *ху*, и этим же термином он называет северные от указанных районов области (ук. соч., 106; ср. 38, прим.).

Тибетское население И-Цзин называет не *ху*, а *сюнну*, причем, по мнению Шаванна, здесь И-Цзин употребляет этот термин для «обозначения народов тюркской расы», поскольку они кочевники.

К такому же приему прибегает и Хой Чао. Отметив кочевой образ жизни населения Тибета, сообщив, что они живут в войлочных шатрах, не имеют городов и построек, он далее пишет, что их обычаи одинаковы с тюркскими. Далее следует трафаретная формула о кочевьях («*суй чэсу шуй цао*»; Хой Чао, текст, 463; пер., 443).

Обычно термин *ху* имеет весьма широкое употребление, обозначая не китайское и не живущее на территории Китая, преимущественно кочевое, население. Как

¹ Ed. Chavannes, Voyage de Song Yun dans L'Udyāna et le Gandhāra (518—522), BEFEO, 1903, стр. 379—471.

² Ed. Chavannes, Documents sur les Tou Kiue Occidentaux, СПб., 1903, стр. 17.

правило, этим термином, особенно в истории династий, обозначается оседлое население Восточного Туркестана и Средней Азии. Хой Чао явно относит его и к кочевникам, что видно из приведенного текста. Как будет показано дальше, Хой Чао применяет термин *ху* и к оседлому населению Средней Азии.

Необходимо, однако, возвратиться к соотношению терминов *ху* и «тюрк» у Хой Чао. Связь между этими терминами достаточно ясно видна уже из этнографической характеристики жителей Тибета. Однако в данном случае автору важно было подчеркнуть кочевой образ жизни, а не этническое родство. Обычно тюрки как народности противопоставляются народностям типа *ху*. Так, например, когда речь идет о Хуттале, Хой Чао заявляет, что в стране «царь происходит из первоначального рода *тулю*». Местного населения сто родов; в стране половина народа *ху* и другая половина тюрки» (текст, 467; пер., 452). Итак, тюрки противопоставляются *ху*. Следовательно, Хой Чао обозначал термином *туцзюэ* не только группу кочевников вообще, но и особую этническую группу. Тем не менее, при описании Тибета термин *туцзюэ* употребляется в первом значении, хотя необходимо отметить, что тюркские элементы имелись в Тибете; об этом говорят другие источники этого времени и, в частности, тибетские, которые пользуются в этом случае термином «друг»¹.

Собственно тюркские элементы отмечены Хой Чао при описании Гандары.

По его словам, царь (*ван*) и его «воины-всадники» (*бин ма*) — все тюрки, местные же жители (*тужэнь*) — из *ху* (Хой Чао, текст, 463; пер., 444). Территория Гандары находилась под влиянием владетелей, зависимых от царя Каписы (северо-восточный Афганистан), и ранее Хой Чао сам об этом заявляет. Далее он сообщает любопытную деталь, что отец (*ана*) тюркского царя Гандары и его дружина происходят из племен Каписы. Когда позднее военная власть тюрков в Каписе пала, отец тюркского царя Гандары убил царя Каписы и сделался самостоятельным хозяином страны (текст, 463; пер., 444—445).

Имя этой династии не указано Хой Чао, но зато его сведения подтверждаются У-Куном. Последний, описывая монастыри Гандары, указывает, что «они носят имена правителей, которые их основали» (У-Кун, 24). Таковы монастыри в честь Канишки, Хэ (сына царя), Пинчже (жены царя), Чэнтаня (брата царя). Каждый из этих монастырей носил имя своего основателя, связанного родственными узами с Канишкой. Кроме того, были и монастыри не кушанского, а тюркского происхождения. Так, У-Кун отмечает монастырь Телекина, основанный сыном царя тюрков. В имени «Телекин» явно выступает в первых двух иероглифах *те-ле* обычная китайская транскрипция титула *те-гин* «принц»; это подтверждает сообщение У-Куна о Телекине как сыне тюркского владетеля. Другой монастырь также связан с тюрками — он обозначен титулом жены тюркского царя *катун* (21; ср. 42). Тюркским является и название *хули*, что еще отмечал Сюан Цзан при описании Кучи (Beal, ук. соч., I, 20).

Шаванн склонен предполагать, что об этой тюркской династии в Гандаре говорит Бируни, называя ее Шахияс. Раджа Тарангини называет ее Джахиз. Первый владетель из этой династии носил имя Баратегин, и династия существовала до конца IX в. (883—901; У-Кун, 45—48).

Хой Чао говорит не только о первом тегине новой тюркской династии, о которой сообщает Бируни, но отмечает и его отца, хотя и не называет его имени. Издатель текста (ук. соч., 445, прим. 1) говорит, что ему остается неясным, как звали отца Баратегина. Если согласиться с Шаванном, что Гандара — это Гибинь (Chavannes, Дос., 130), а в период династии Тан это — Каписа, то до VII в. здесь царствовала династия кушанского происхождения (Большие юечжи)².

Однако уже Туяньбгу подчинил себе Гибинь, а утверждение здесь тюркской дина-

¹ Например, F. W. Thomas, Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan, I: The Ha-za, JRAS, 1927, янв., стр. 85; он же, JRAS, 1928, стр. 97; он же, JRAS, 1930, стр. 56.

² См. И. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, 1950, стр. 309.

стии начинается, очевидно, с Гэлотачжи, который носил также титул тегина. Шаванн читает его имя Хоталочжи, что является, по его мнению, транскрипцией имени Арокадж. Последний завоевал Гандару после 711 г. В 719 г. он был признан Китаем в качестве царя Гандары (Гибинь). Всего вероятнее, что он и был родоначальником тюркской династии (Chavannes, ук. соч., 132).

Автор данной статьи полагает, что в имени основателя тюркской династии Гибиня первые два иероглифа следует считать племенным именем «гэло», т. е. «карлук», поскольку это этническое наименование пишется иероглифами именно так. Собственно именем остаются тогда иероглифы Тачжи, что также является, быть может, одной из транскрипций имени «таджик». Титул тегин указывает, что здесь находился один из сыновей карлукского владетеля; существование карлуков к северу от этих мест отмечают китайские источники. Можно указать хотя бы на тохаристанских ябгу еще применительно к VII в. (И. Бичурин, ук. соч., III, 321).

Согласно китайским свидетельствам об этой стране, с 719 по 745 г. здесь сменились четыре владетеля, а именно Гэлотачжи, Усань, Фолиньгипо и Бофучжунь. Поскольку Хой Чао явно говорит об основателе династии в прошедшем времени, то речь идет о Гэлотачжи, тогда как в то время, когда Хой Чао посетил эту страну, царствовал уже его сын, очевидно, Усань Дэлэ (тегин). Повидимому, основатель династии окончил жизнь не позже 725—726 гг. Хой Чао дает неизвестное из других китайских сочинений этого времени написание имени Гандара — Цзяньдолю. Под таким названием ее знают Сюан Цзан (Beal, ук. соч., I, 97) и Сон Юн (37—38). Сон Юн указывает, что имя этой страны было Еболо и что она стала называться Гандарой после завоевания ее эфталитами.

В Бэйши повторяется это замечание и в согласии с Сон Юном отмечается, что цари здесь происходили от тегингов двух династий: одни были буддисты, другие поклонялись демонам и гениям. Падение эфталитов в 565 г. было результатом появления тюрков, но утверждение власти последних, очевидно, произошло позднее (Сон Юн, 38).

Все области севернее Гандары были под властью тюрков. Хой Чао отмечает, что хотя здесь много людей принадлежит к родам, происходящим из различных городов, однако власть находится исключительно в руках тюрков. Уже при Хой Чао здесь находились буддийские храмы, не только выстроенные при Канишке и вообще при кушанах, но и тюрками. Так, не только сам тюркский князь, но и его сын и дочь выстроили буддийские храмы. В соответствии с этим У-Кун отмечает, что храмы принадлежат тюркскому князю, его сыну и жене. Так как в тексте Хой Чао стоит иероглиф *ню* (текст, 464), что вообще может значить «женщина», то следует отдать предпочтение тексту У-Куна, где точнее указан титул *катун*, т. е. «жена тюркского князя (кагана)».

По словам Хой Чао, тюркский князь владеет пятью слонами, овцами и лошадьми без числа, имеет много верблюдов, мулов, ослов; таким образом, в описании Хой Чао он выступает как типичный скотовод. Вместе с тем, Хой Чао считает нужным подчеркнуть, что «местный князь (т. е. тюрк) не одинаков с живущими к северу тюрками» (текст, 464; пер., 447).

Это противопоставление тюркских племен Пешавера северным тюркам у Хой Чао, видимо, основывается на религиозной принадлежности, ибо он далее отмечает строительство буддийских храмов тюркским каганом и его семьей. Однако, быть может, в основе различия лежали и другие данные. Во всяком случае, эти отличия могли лежать в эфталитском этническом вкладе в тюркский этногенез южных областей. Об этом достаточно ясно говорят арабские авторы, называя тюрков указанных областей хайталами, тюрками-кумиджиями и т. п.

В Каписе, одном из центров Гибиня, так же как и в Хуттале, половина жителей — тюрки, половина — из племени *ху*. Однако, князь и его воины — тюркского происхождения. Князь кочует из Каписы в Гандару, ибо зимой в Каписе глубокий снег, и он остается в ней только летом. Зимой он откочевывает в Гандару, где теплее (пер., 447). О тюркском происхождении владетеля Каписы говорит и У-Кун (45). Название самого большого монастыря по Хой Чао — Шахисы, что подтверждает сообщение У-Куна и Бируни.

Забулистан (Сиюйго), подобно Каписе, населен племенами *ху*, однако и правитель и дружина (*бин ма*) здесь также тюрки; Фукс (ук. соч., 448) *бин ма* перевел здесь почему-то не обычным *Truppen*, а *Militär* (см. Хой Чао, текст, 465).

В этом отрывке имеются любопытные сведения о тюркском княжеском роде Забулистана. Князь Забулистана является племянником князя Каписы; он самостоятелен со всеми своими племенами и дружинами (*було и бин ма*), происходящими из этой страны. Он не подчиняется другим странам и своему дяде (*ачу*)¹.

Самостоятельность забулистанского князя подчеркивается его щедростью в отношении монастырей и монахов и исповеданием махаянской версии буддизма. Он носит титул высшей тюркской знати — *ша (шад) таркан*. Каждый год он, подобно любому верховному владыке, собирает без числа золото и серебро. Любопытно, что по одежде жителей и продуктам земли Забулистан напоминает Капису, что указывает на тюркский характер страны; язык, напротив, совершенно отличен.

Очевидно, речь идет о другой ветви тюрков. Если применительно к тюркам Гибиня высказывалось предположение относительно смешения с эфталитами, то относительно тюрков *ша таркана* можно предположить их среднеазиатское происхождение. На это указывает приводимое Хой Чао имя правителя.

В связи с этим необходимо обратить внимание на весьма важный текст И-Цзиня. Там вслед за описанием трудностей пути из Непала и Тибета в Капису говорится о Каписе и о народе *доши*, вместо обычных *даши* (E. Chavannes, Les Rel. Ёm..., 25).

Э. Шаванн без всяких оговорок (совершенно справедливо) указывает, что этот термин обозначает таджиков (ук. соч., 25, прим. 1). Необходимо несколько остановиться на этом вопросе.

История происхождения имени «таджик» рассмотрена В. В. Бартольд². Оно происходит, по его мнению, от арабского племенного наименования *май*. В пехлевийском и армянском языках арабы именуются *тачик*. В мусульманский период появляются формы *тазик* и *тази*³.

Махмуд Кашгарский приводит форму *тажик*, и, подобно Хаджи Юсуфу Баласагунскому, употребляет этот термин для названия таджиков, ираноязычного населения Восточного Туркестана, Средней Азии и, быть может, Ирана. В тюркской литературе термин *тегик* явно относится к согдийско-таджикскому населению, рядом с которым упоминается тохристианское (*toqrasin*). Имеется в виду текст Тоньюкука⁴.

Китайцы, употребляя термин *даши*, который в Танский период звучал d'āi' d'z' iək, т. е. taĵjik⁵, близко к тюркскому звучанию, обозначали им, вероятно, не только арабов, но и таджиков. Не случайно они выделяют Персию термином Босы, а описывая «страну» *даши*, говорят не только об арабах, но и о местном таджикском населении Средней Азии и Восточного Ирана. Таншу говорит: «*даши* занимают земли, прежде принадлежавшие Босы» (И. Бичурин, ук. соч., III, 331). «Страна *даши* простирается до юргешей» (Семиречья), — говорит далее этот источник.

Что термином *даши* обозначались и арабы, в этом, конечно, нет сомнений. Возникает, однако, вопрос, является ли этот термин исходным для названия таджикского населения Средней Азии, как это предполагали ранее, или дело обстоит иначе.

Приведенный выше термин *доши* в танское время звучал tā 'zie или tā d'a (B. Karlgrenn, ук. соч., 287, 259). Этот термин служил для обозначения ираноязычного населения Тохаристана (Таджикистана) и был употреблен автором, писавшим в

¹ Ср. Х о й Ч а о, текст 465; пер., 448. Здесь автор не считает возможным следовать переводу В. Фукса.

² EI., IV, 628—629.

³ Ср. В. В. Бартольд, Таджики. Исторический очерк, «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 98.

⁴ А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков, Л., 1946, стр. 44—45.

⁵ B. Karlgrenn, Analytic Dictionary of Chinese, P., 1920, стр. 262; 278.

673—695 гг., т. е. до арабского завоевания этих областей. В таком случае утверждение имени завоевателей в этой стране могло произойти позднее, не ранее конца VII в., когда Муса, сын Абдаллаха ибн-Хазима, правителя Хорасана, в течение 15 лет владел округом Термеза. Фактическое покорение Средней Азии арабами было осуществлено Кутейбой, деятельность которого падает на 705—715 гг. К VII—VIII вв. относится и термин *даши*, не совпадающий по транскрипции с арабским *даши*.

Следовательно, по крайней мере за 20 лет до того, как могло распространиться имя завоевателей-арабов на местное население, независимо от названия *даши*, которым китайцы обозначали позднее арабов, уже бытовал термин «таджик». В свете приведенных фактов логично предположить, что произошел обратный процесс. Слившиеся с таджикской средой Средней Азии среднеазиатские арабы получили здесь свое второе имя *даши*, являющееся не чем иным, как вариантом имени *тезик*, корень которого составляет имя *тази*, в то время как «к» выступает как этнический, быть может, иранский или тюркский, суффикс. Последнее остается неясным.

Во всяком случае, *даши* не является единственным именем арабов, это их частное обозначение наряду с другими, например, «сарацин» и т. д., как в надписи Пайкули¹.

Существовал также и пехлевийско-армянский термин *тачик*, служивший, подобно китайскому *даши*, для обозначения тех арабов, которые смешались с ирано-язычным населением Персии и Средней Азии. Термин *даши* — термин «территориально-этнический». На это указывает возможная этимология слова «таджик». Если согласиться с тем, что основа «тадж», а «к» — этнический суффикс, к чему склоняются многие исследователи, то можно предложить другую этимологию этому корню. Корень *тадж* можно сопоставить с сакским *ttāji* «река»², словом, которое встречается также в санскрите. По всей вероятности, название равнинных «речных» таджиков возникло по аналогии с горными «гарча» или «гальча». Такое происхождение племенных наименований от географических терминов весьма обычно, особенно в истории Средней Азии. Достаточно вспомнить предположения о водных скифах — «скифах-абиях», водных саках-«апасиаках». Наименование парикане, от которых пошло название Паргона — Фергана, разъясняется М. С. Андреевым из иранских диалектов, как «межгорная впадина», «котловина». Можно назвать не один случай, когда племена получали имя от реки: таковы племениевские «яксарты», явно древние «скифы-аби». При соответствующих поисках примеры, несомненно, можно увеличить. Достаточно указать на тюркские этнические наименования чуми, чуче, чубань и т. д. по имени реки Чу.

Таджики, которые резко делились на две группы — горных и равнинных, могли носить эти два названия: таджики и гарча. Поскольку у таджиков, как отмечают источники, прежде всего разбираемый текст Хой Чао, равно как и известия его предшественников, встречались тюркские правящие династии, а кое-где вперемешку с ними жили тюрки, этническое наименование *таджи* приобрело форму таджик, которая сохранилась до сегодняшнего дня. Какие бы ни были выдвинуты против этой догадки возражения, ясно одно: имя «таджик» — таджикского, до арабского происхождения; оно известно, по крайней мере, с конца VII в., а если учесть предложенную этимологию, то вполне возможно, что оно появилось на местной почве на основе древнетаджикского языка тохаристанского населения. Учитывая широкую распространенность этнических наименований, а также то, что некоторые из них восходят к скифскому времени, разбираемый термин может быть возведен к середине I тысячелетия до н. э. Следует помнить также, что позднее главнейшими источниками этнической терминологии становятся генеалогии и военно-политическая титулатура. Правда, последнее яснее выступает у тюркских кочевых племен, в то время как у оседлых сохраняется территориальная этнонимика (кашгарлык, хотанлык и др.). Тем более правдоподобно этимологизировать наименование таджик из сакского, древнеиранского *тажи*.

¹ См. E. Herzfeld, Paikuli Monument and Inscriptions of the Early History of the Sasanian Empire, Berlin, 1924, стр. 16—18.

² H. W. Bailey, An Itinerary in Khotanese Saka, AO, XIV, 1936, стр. 260.

Чрезвычайно любопытно, что Хой Чао ничего не говорит о тюркском населении Тохаристана, хотя тюркский элемент в этой стране отмечается и в более ранних и в более поздних источниках. Учитывая, что Хой Чао постоянно упоминает о тюрках по отношению к другим странам, а далее говорит и о более северных тюрках, нельзя здесь видеть ошибку. Танская история подчеркивает эфталитский характер населения и лишь после 750 г. сообщает о нападении на Тохаристан «соседнего тюрка Геша», который с тибетскими войсками пытался овладеть Тохаристаном (И. Бичурин, ук. соч., III, 332).

Сопrotивление оказывал ябгу Сулейман, владетель, хотя и с кушано-тюркским (эфталитским) титулом, но с мусульманским именем. Сам Хой Чао объясняет отсутствие тюрков указанием, что «теперь эта область подчинена власти арабов». Арабы в представлении Хой Чао выступают конкурентами тюрков в отношении политического господства. Так, при описании Большой Фулини, т. е. бывших восточнотюркских областей, он также отмечает политическую роль арабов, а в отношении тюрков сообщает, что тюрки не могли победить арабов. К востоку от арабов перечислены области *ху*, т. е. Ань, Цао, Ши, Шило, Ми и Кан, как подвластные арабам. Эти страны маленькие и имеют небольшие дружины. Их население разводит верблюдов, мулов, овец, лошадей, выделяет хлопчатобумажную ткань. Для верхней одежды и штанов употребляются только шкуры. Язык во всех странах неодинаков. В этих шести владениях исповедуют зороастризм *хою* (учение огня), буддийского учения не знают. Только в Самарканде имеются буддийский монастырь и монахи.

Далее описана Фергана, расположенная на восток от Кан. Здесь два князя. Большая река Чженьчжу (т. е. Сыр-Дарья) течет на запад через середину страны. Один князь, находящийся южнее реки, подчинен арабам, другой, к северу от реки, находится под властью тюрков. Это деление Ферганы на две части подтверждается и другими источниками. Известно, что в Таншу при повествовании о стране Нинюань отмечается, что в 659 г. Фергану завоевали тюрки, которые местного владыку из кушанской династии поставили владетелем в городе Хумынь¹, тюркский владетель сел в Касане (Гесай). В Таншу говорится: «После смерти (Ашина) Шуни (тюрка) сын его Ебочжи занял его место, а родственник Кйби (местного, ферганского династа) Аляошнь поставлен владетелем. Он жил в городе Хумынь, а Ебочжи в городе Гесай» (И. Бичурин, ук. соч., III, 319). Фергана у Хой Чао описана, как страна, славящаяся верблюдами, мулами, овцами и лошадьми, т. е. скотоводческая; из продуктов ремесла отмечена хлопчатобумажная ткань *дебу* (Хой Чао, текст, 47; пер., 452). Для платья употребляются шкуры и хлопчатобумажная ткань. Много хлебных изделий. Языки здесь различны и не одинаковы с языками других стран. Здесь не знают буддизма, и в связи с этим нет монастырей, монахов и монахинь.

К востоку (!?) от Ферганы находится страна, по имени Хутталян. Фукс (ук. соч., 452, прим. 8) справедливо видит в этой ошибке указание на то, что Хой Чао сам не был в Фергане и пишет о ней по расспросам. Однако сопоставление с текстом Таншу, приведенным выше, свидетельствует о том, что информаторы Хой Чао были надежны. Попутно следует отметить, что подчеркнутое Хой Чао языковое различие расходится с древнейшим указанием Чжан Цяня на общность языков от Давани до Аньси. Уже в Цяньхуаньшу это описание Чжан Цяня было подвергнуто некоторой редакцией, что было отмечено в другом месте². Дополнительное знакомство с народами Средней Азииставляло китайских авторов все более и более отмечать эти лингвистические отличия.

Нужно, однако, возвратиться к Хутталю. Не только его князь происходит первоначально из тюркского рода (*тукюе чэсунцэу*), но и страна наполовину состоит из народа *ху* и другая половина из тюрков. Характерно, что наряду с различными видами скота (верблюды, мулы, овцы, лошади, коровы, ослы) страна производит вино, хлопчатобумажную ткань и шерстяные ковры *мао тань* (Хой Чао, текст, 467; пер., 452). Платье изготавливается из хлопчатобумажной ткани и шкур. Особый интерес представ-

¹ По мнению Fuchs'a, ук. соч., 452, прим. 6, быть может, Ходжент.

² А. Н. Бернштам, Образ согдийца в коропластике Чуйской долины, КСИИМК, XIX (1948).

ляет лингвистическая характеристика. Язык здесь частью тохарский, частью тюркский и частью местный (*янь инь, бань тухоло, бань туцзюе, бань данту*, там же). Как сам князь, так и население исповедуют буддизм, учение Хинаяны, имеют монастыри и т. п. Несмотря на господство тюрков, страна принадлежит арабам. Название государства происходит от арабов, но по структуре оно напоминает Китай, хотя Китай, отмечает Хой Чао, превосходит Хутталь по размерам. В этих словах подчеркивается большая близость Хуттalia по структуре государства к востоку, а не к западу.

Очевидно, население Хуттalia также принадлежит к группе народов *ху*, так как Хой Чао пишет, что от этих народов *ху* (впрочем, здесь, быть может, подразумеваются народы Средней Азии) к северу до Северного моря (Аральское море?), к западу до Западного моря (Каспий?) и к востоку до Китая по всей территории живут тюрки. Тюрки не знают буддийского учения (букв. закона) и не имеют монастырей и монахов. Для изготовления одежды используют шкуры и для верхней одежды войлок. Едят мясо. Не имеют для жительства городов, а из войлока делают шатры (*и у чэн го чжу чу. Чжань чжан вэй у*, текст, 467, 468; пер., 453). Они не имеют постоянного местопребывания и «кочуют там, где вода и трава». Мужчины бреют голову и бороду, женщины связывают волосы на голове, т. е. носят косы. Язык их не одинаков с языком других стран (*янь инь юй чжи го бутун*, текст, 468; пер., 453). Страна их богата верблюдами, мулами, овцами и лошадьми. В этой характеристике тюрков подчеркивается кочевой образ жизни, о чем говорит прежде всего перечень богатств страны. Не упомянуты продукты ремесла, нет городов и селений. Краткая этнографическая характеристика (тип жилищ — кибитка, одежда, употребление войлока, характер причесок и т. п.) также свидетельствует о них, как о кочевниках. Выделяет Хой Чао и язык.

Хой Чао отождествляет понятие «тюрки» с понятием «кочевники» и этим самым несколько отходит от истины. Сюан Цзан, лично посетивший эти области, отмечал в стране Сун, явно входящей в область расселения тюрков по Хой Чао, города, о которых не знал Хой Чао. Если он не был в Фергане, то тем более становится ясным незнание им лично и страны тюрков. Ясно, что, поскольку он выделяет Фергану и Согд, здесь речь идет о кочевниках, живших за Сыр-Дарьей, где действительно кочевой образ жизни преобладал над оседлым.

Среди последующих описаний стран следует отметить описание Вахана (Хуми), протянувшегося с востока на запад, страны с суровым климатом и пустынным ландшафтом. Вахан смежен с Памиром (Памило), который рассматривается как отличная от Вахана область. Вахан подчинен арабам, очевидно, постольку, поскольку Тохаристан также им подчинялся. В стране много бедных, одетых в шкуры и войлок. Только царь употребляет хлопчатобумажную ткань и шелк. Страна холодная и мало производит хлеба. Язык отличный от других стран. Разводят овец и коров, но их очень мало, и скот мелкий. Исповедуют Хинаяну, имеют монастыри. Горы не имеют деревьев и другой растительности.

Севернее Вахана отмечено девять владений Шугнана, причем каждое из них имеет своего владельца, подчиняющегося владельцу Вахана. При Хой Чао в Вахане было два владельца, один из Турфана (Аньси). Шугнанские владельцы, кроме ваханского царя, не признают другой власти и в остальном самостоятельны. Страна их, как и Вахан, холодная, на горах снег, производит овец, лошадей, коров и ослов. Здесь изготавливают шелк. Буддизма не знают. Владетели Шугнана отправляют от 200 до 300 человек на Большой Памир (*Да бами цзюань*) и там нападают на обитателей *Ху* и послов.

В стране шугнанцев не знают учения Будды. К востоку от Вахана, в 15 днях пути, находится Цунлин чэнь. На станции (*чэнь*), которая принадлежит Китаю, находятся войны от Байсины, т. е. от кашгарского правителя, иногда там стоят тибетцы. Это место Фукс отождествляет с Ташкурганом. Теперь (т. е. при Хой Чао) на Памире в Ташкургане нет населения.

Любопытно, что район Ташкургана (Гофань-тань) называется по-китайски Цунлин.

После Ташкургана Хой Чао отмечает Кашгар (один месяц пути пешком), Кучу, Хотан и Карашар.

После описания северных тюрков, живших за Сыр-Дарьей, Хой Чао больше не упо-

минает тюрок. Он возвращается в своем описании на юг к Вахану, как географическому продолжению Тохаристана и Хутталяна.

Страны среднеазиатского Междуречья, Фергана и тем более область расселения тюрок не были непосредственно знакомы Хой Чао. Их описания были составлены по рассказам. Из Тохаристана он прошел, по всей вероятности, через Вахан в Ташкурган, Кашгар, Кучу, следуя по традиционной дороге, по которой шел и Сюан Цзан. Однако в своих описаниях, независимо от того, писал ли по личным впечатлениям или по рассказам других, он располагал сведения по определенному трафарету, обращая внимание на следующие вопросы: 1) народ, 2) кому принадлежит власть, 3) одежда и жилища, 4) внешний вид (прически) и язык, 5) продукты торговли, 6) религия. Иногда эта «анкета» дополнялась географической характеристикой страны, что особенно ясно в описании Памира.

Несмотря на эту лаконичность, Хой Чао дает много ценных данных по сравнению с другими авторами. Для Средней Азии и области расселения тюрок особенно любопытны его лингвистические характеристики, в первую же очередь — карта распространения тюркских племен и народностей, которая дает много дополнений и уточнений к сведениям из других аналогичных китайских сочинений. В этом основная ценность дунхуанского списка сочинения Хой Чао для истории народов нашей страны.

А. Н. Бернштам
